

Категория «место» в теории архитектуры оппозиционна категории «пространство», однако «место» тоже понимается как «пространство». Неслучайно топология называется анализом места. Геометрия и топология произвели сильное действие не только на физику, кристаллографию, молекулярную химию, но и на архитектуру и другие гуманитарные области знания, в частности, на психологию зрительного восприятия. «Топофилия» И Фу Туана – мостик, создающий возможность перехода от математики и топологии к гуманитарной сфере. Однако использование понятий «место» и «гений места» в гуманитарной сфере в целом и в архитектуре в частности остается на уровне сентиментальной мифологии и феноменологии. Внедрение в массовое сознание понимания ценности места и «genius loci» невозможно без ритуалов, связанных с жизнью и смертью архитектуры.

Ключевые слова: Место; пространство; топология; топофилия; гений места; ритуал./

The 'place' category in architectural theory is in opposition to the 'space' category, but 'place' is also understood as 'space'. It is no coincidence that topology is called the analysis of place. Geometry and topology have had a strong effect not only on physics, crystallography and molecular chemistry, but also on architecture and other humanities, in particular on the psychology of visual perception. "Topophilia" by Yi-Fu Tuan is a bridge that creates the possibility of moving from mathematics and topology to the humanities. However, the use of the concepts of 'place' and 'genius of place' in the humanitarian sphere in general and in architecture in particular remains at the level of sentimental mythology and phenomenology. Introducing the understanding of the value of place and 'genius loci' into the mass consciousness is impossible without rituals related to the life and death of architecture.

Keywords: Place; space; topology; topophilia; genius of place; ritual.

О месте и гении места / On the place and the genius of the place

текст
Александр Раппапорт
text
Alexander Rappaport

> Портрет АГР.
Фото Сергея Астапова

Место

Место против пространства

Появление категории «место» в теории архитектуры можно понимать как оппозиционное направление профессионального мышления, как начало борьбы с всеобщим и неподконтрольным распространением категории «пространство». Хитрость перехода от пространства к месту состоит в том, что место – тоже пространство, и даже в математике «топология» как раз и называется анализом места (греческое тоπος – τόπος – место).

Одной из первых работ по топологии была книга Анри Пуанкаре Analysis Situs (то есть исследования места), написанная между 1895 и 1904 годами.

В топологии исследовались законы пространства, отличные от законов геометрии, прежде всего законы непрерывных преобразований поверхностей. Сама же геометрия с ее измерительными процедурами и многомерностью вместе с топологией начала производить сильное действие не только на физику, кристаллографию

и молекулярную химию, но и на гуманитарные области знания. В частности, на психологию зрительного восприятия и архитектуру.

Архитектура оказалась близка к геометрии и в своей конструктивной ипостаси (как система прямых стержней и плоскостей), и в своей перцептивной ипостаси (через перспективу). Законы перспективы, начертательной и проективной геометрии вместе с законами иррациональных отношений в соизмерении диагоналей и прямоугольников, круга и квадрата породили своего рода мистическую и эстетическую традицию в понимании архитектуры.

Все эти линии в конце концов соединились в понимании архитектуры как искусства организации пространства, и этот итог сделался одним из фундаментов модернизма и функционализма. С помощью схем стали фиксировать множество производственных и бытовых процессов деятельности.

В этой истории очень важно понимать роль письменности и чертежа. Именно бумага и бумажный чертеж, с одной стороны, и фонетическая письменность, с другой стороны, оперирующая понятиями и категориями, соединившись с математикой, вторглись в сферу профессионального мышления архитектора, поначалу покоившегося на ремесле ваятеля, плотника и камнереза.

С эпохи Ренессанса в архитектуру проникает проектирование как изготовление чертежей и макетов, уменьшенного масштаба по сравнению с объектом проектирования и использующего в работе с чертежом чертежного инструментария и математического расчета.

В XX веке понятие пространства занимает ведущее положение и становится одной из главных онтологических категорий. Это понятие в силу своей бесконечности и универсальности дает основу для эпистемологии, то есть описания всех явлений, вещей и процессов в единых математических или математизированных терминах.

В таком виде оно проникает и в психологию зрительного восприятия, и в социальную психологию и проксемику, достигая новых обобщенных форм в «топофилии» И Фу Туана [1].

Иными словами, понятие пространства обретает свою онтологическую значимость именно через посредниче-

ство математики как универсального языка теоретического описания.

К понятию места

Как ни странно, в математике нет такого понятия, хотя оно и используется, пожалуй, чаще других. Видимо, в математике место – это все то же пространство, отмеченное своими координатами по декартовой схеме. Именно математизация пространства в декартовых координатах дает простор конструктивной операторике в инженерии и схематических моделях иных теорий, в том числе в психологии, эстетике и архитектуре.

Поворот от пространства к месту, однако, не имел таких операциональных перспектив. К тому же разрыв понятия места с пространством оказался в основном связанным с масштабом (как последней операциональной категорией конструктивных преобразований), и понятие места стало ассоциироваться с локальностью пространства и его ограниченностью. Никаких конструктивных средств опознания такой локальности в самом понятии места нет, а его масштабное сокращение осталось мало привязанным к чему-либо. Само же содержание понятия осталось формально-пространственным.

Тем разительнее становится использование этого понятия в мифологическом ключе тем же Норбергом-Шульцем, который связывает его с пониманием «гения».

«Гений места»

Гений места никак не связан с математически определенным локусом, который может не иметь в себе никакого «гения». Так что игра слов и использование понятия места в разных, несводимых друг к другу контекстах, создает своего рода креативную двусмысленность, возможно, чреватую самыми неожиданными творческими следствиями. Однако, как мне кажется, это была заявка, за которой не последовало никаких результатов. Оперирование понятием места осталось на уровне сентиментальной мифологии и феноменологии родных ландшафтов и мест детских воспоминаний.

Поэтому нам теперь необходимо вернуться к понятию места и попытаться уяснить себе его потенции.

А. П. Огурцов о понятии места в «Философской энциклопедии» пишет: «Место (греч. τόπος, лат. locus) – часть пространства, центр соотношения физических тел. В античной философии понятие места было выдвинуто Аристотелем в противовес трактовке Платоном пространства (Χώρα) как вместилища тел и интеллигибельной материи, что позволяло дать онтологическое обоснование геометрии и геометрически правильных тел. <...>

У Аристотеля пространство представляет собой «индивидуальное достояние» чувственно-воспринимаемых (физических) тел, т. е. место. Его подход к определению пространства-места связан с учением о первой сущности – субстанции, которая есть то, что обладает самостоятельным существованием. В противовес геометрическому пространству Платона Аристотель настаивает на осязательно-физической трактовке пространства-места, которое позволяет понять движение как изменение места. Место – граница движущегося, а для всех движущихся тел – абсолютная граница. В космологии Аристотеля в соответствии с принципом «подобное стремится к подобному» развивается учение о движении тела к естественному месту. Эти два понимания места как границы объемлющего и как естественного противостоят друг другу» [2].

В философии Нового времени учение Аристотеля было подвергнуто критике (прежде всего Галилеем), и место отождествлялось с пространством и протяженностью. Декарт связывал место с определенным положением вещи относительно других, различая внешнее и внутреннее место. Отождествление пространства с местом

характерно и для Л. Эйлера. Согласно Х. Вольфу, место – способ сосуществования тел друг с другом.

И. Кант, развивая «Топику» Аристотеля и раскрывая содержание трансцендентальной топики, называет трансцендентальным место, уделяемое нами понятию или в чувственности, или в чистом рассудке, делая акцент на гносеологической характеристике места [3, с. 269]. Однако эта линия не получила в дальнейшем развития, и место в послекантовской философии трактовалось как единство пространства и времени, выраженное в изменении положения тел (К. Розенкранц), как расширение понятия протяженного пространства (О. Либман), как пространственное соотношение тел друг с другом (О. Кюльпе). Теория относительности А. Эйнштейна, введя принцип равноправия инерциальных систем, отказалась от поисков истинного «естественного» места тел, что и было подчеркнуто как физиками, так и философами науки XX века (Э. Кассирер, Г. Вейль, А. Эддингтон, В. Фок и др.).

Однако в архитектуре и эстетике понятие места начинает трактоваться в противовес модернистскому пониманию пространства, как нечто, имеющее отнюдь не математические параметры, но скорее феноменологическое и символическое значение. В таком ключе разворачиваются поздние работы Кристиана Норберга-Шульца [4].

Однако здесь мы имеем дело с двумя препятствиями для его широкого применения. Первое состоит в неоперациональности понятия места в сравнении с понятием пространства, которое имеет развитую операторику построения фигур на основе математики и геометрии.

12 июня 2014

Универсальность и конкретность гения – Гения Места

Говоря об индивидуации и настаивая на индивидуальности каждого человека, мы вынуждены вернуться к вопросу о гениях. Кто они в категориях индивидуации? Сверхиндивидуальности или просто универсальная сумма или даже формула всех индивидуальных случаев человека.

Кто такой А. С. Пушкин? Наше все? Эти слова надо переставить, чтобы понять их подлинный смысл. Он – «все наше». Он отчеканил, отлил в золоте и меди все, чем мы живем и дышим. Ничего от себя. Все универсалии опыта быстротекущей жизни. Он понятен, потому что писал о всеобщих свойствах души и мира.

В архитектуре это увидеть труднее. В чем ее универсалии – в том, что стена вертикальна, а крыша поката, что стена разделяет внутреннее и внешнее? В том, что она, как и мы сами, стоим на земле? Что окна смотрят на улицу и служат рамками для живых еще «персонажей»?

Гений Гоголя не открыл в жизни ничего НОВОГО, да и не хотел открывать. Ему было достаточно мира всех его обывателей. Слышите! – какое слово вдруг влезло в строчку – «обыватель». А что такое или кто такой – обыватель?

Вот что можно прочитать о значении слова «обыватель»: «В современном языке – ограниченный человек с мещанскими взглядами. Отрицательную окраску слово приобрело после революции 1917 года»; житель какой-нибудь местности. Первоначальное, ныне устаревшее, значение, образовано от обывать, то есть «обитать, проживать» [5]. В пассионарной теории этногенеза – тихий человек, полностью приспособленный к окружающему ландшафту, человек с нулевым уровнем пассионарности.

В этом смысле гений в литературе, может быть, и в архитектуре – это универсальный житель СВОЕГО МЕСТА. И вот доказательство теоремы: именно архитектура по достоинству оценила понятие Гениус локи, или лоци.

Архитектурные ритуалы

Сапожник шьет сапоги по размеру ноги и вкусу хозяина, портной шьет платье, шляпник делает шляпу. Эти предметы гардероба на время срастаются с хозяином как его второе лицо. Они живут нераздельно или по временному союзу. Но срок жизни истекает, и шляпу выкидывают, как и сапоги.

Другое дело дом, архитектура. Когда-то архитекторы и сапожники принадлежали к одной категории ремесленников. Позднее в дело вступило время, и время смерти прежде всего.

Сапоги переживут владельца, но ненадолго. Здание – особенно если это дворец – переживет владельца на века.

Здание, в отличие от сапог или платья, принадлежит не только и даже не столько хозяину, но и самой Земле. Разрушение здания – чуть ли не более значимое событие, чем убийство или похороны человека. И погребение дома должно быть приравнено к погребению человека.

Это, конечно, не значит, что в какой-то мере мы за восстановление сакральной жертвы младенца будущему дому. Отнюдь. Жизнь младенца бесценна, хотя порой и приносится в жертву року.

Но разрушение здания – хорошо оно или нет, нравится нам или нет – внесено в закон об охране. Разрушение здания – сакральный акт, акт похорон времени и жизни. Именно в этом акте великое произведение архитектуры и никому не нужный сарай обретают трансэстетическое родство бытия на планете.

Разрушение здания заслуживает такого же внимания, как почести в акте похорон или закладки сооружения, столь же принадлежащем земле, как и людям – судьбе ЭТОГО места на Этой – увы – весьма ограниченной планете. В какой-то мере столь же сакральным может в будущем показаться рубка ствола дерева, прорытие нового канала или засыпка болота.

Земная жизнь во всем ее драматизме и кратковременности имеет точки пересечения с судьбой человека, семьи и рода. Возможен ли соответствующий ритуал? Уверен, что он необходим. Именно в нем обретает свой подлинный смысл «гений места».

На мой взгляд, без этого ритуала нам НИКОГДА не вернуть в жизнь ныне умирающей Архитектуры.

Сначала стоило бы так провожать сооружения, уничтоженные бомбами и терактами: воздавая уважение и людям, и их жилищам. А лиц, прибегающих к терактам, уничтожающих людей вместе с их домами, подвергать двойному суду. И от имени государств, и от имени самой Земли.

Эффект присутствия, лежащий в основании феномена архитектуры, выходит за пределы жизненных и театрализованных впечатлений – он простирается за грань сцен и действий. Но именно он лежит на пути не столько смерти, сколько вымирания человека и культуры. У нас же убийство зданий (храмов, базилики, нью-йоркских зданий-близнецов, жилых комплексов и пр.) постепенно узаконивается и не вызывает к возмездию.

И вслед за ритуалом погребения, вероятнее всего, стоит ожидать и возникновение ритуала поминания, возвращающего архитектуре ее языковой эквивалент – памятника.

Как вводить такой ритуал? Расскажет ли об этом философия или методология, эпос или театр?

29 ноября 2018

Гений места и времени

Статья о ритуалах заставила меня вспомнить понятие «гения места» и невольно сопоставить его с возможностью параллельного «гения времени». Что это? Неповторимость момента рождения и смерти, встречи и разлуки. Или фотографии, мгновенного фотоснимка,

на котором мертвецы заливаются хохотом, а будущие старцы сосут свои соски и играют в погремушки?

Время непроницаемо более, чем пространство, и ближе к вечности, чем все, что в нем случается.

29 ноября 2018

Гений места

Гений места (дух места, гений локуса – калька с лат. *genius loci*) – в римской религии дух-покровитель того или иного конкретного места (деревни, горы, отдельного дерева). Латинское выражение «*genius loci*» стало популярным у писателей XVIII века и оказало заметное влияние на литературные и архитектурные вкусы в Британии (англ. *spirit of place*) и за ее пределами.

Выражение *genius loci* чаще всего применялось к пейзажу. На фресках домашних святилищ изображались две ипостаси этого духа: человеческая фигура, совершающая обряды, или божество и змея, ползущая к алтарю.

Выражение применимо к человеку, ревностно оберегающему неповторимую атмосферу места.

Теперь в Перми регулярно проводятся фестивали и конференции, посвященные Гению Места

А вот и автор книги с таким названием – Петр Вайль.

Но тогда почему бы не считать гением именно гения места – и архитектора прежде всего. Русский гений места тогда все же, скорее, именно Гоголь, а не Пушкин. Хотя оба Гении. И сегодня мы имеем право назвать гениями и О. Мандельштама, и И. Бродского, чья гениальность принадлежит всем нашим местам.

6 ноября 2019 г.

Литература

1. Tuan Yi-Fu *Humanistic geography* // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1976. – Vol. 66. – № 2. – P. 266–276.
2. Философская энциклопедия. – URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Кант, И. Критика чистого разума (пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки). – Москва: Наука, 1999. – 784 с.
4. О феномене, структуре и духе места у К. Норберг-Шульца. = [On the Phenomenon, Structure and Spirit of Place at Christian Norberg-Schulz] // *Архитектурный вестник*. – 2008. – №3. – С. 98–10.
5. Обыватель. – URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 20.05.2023).

References

- Filosofskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Philosophy]* (n.d.). Retrieved April 15, 2023, from <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/>
- Kant, I. (1999). *Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]* (N. O. Lossky, Trans.). Moscow: Nauka.
- Kiyanenka, K. (2008). On the Phenomenon, Structure and Spirit of Place at Christian Norberg-Schulz. *Arkhitekturnyi vestnik*, 3, 98–10.
- Obyvatel [The average citizen]. (n.d.). *Znachenie slova*. Retrieved May 20, 2023, from <https://znachenie-slova.ru/%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C>
- Tuan, Y.-F. (1976). *Humanistic geography*. *Annals of the Association of American Geographers*, 66(2), 266–276.